

Глава I

ПАРИЖ. 1793 ГОД

И никто даже не задумался.

Вперед! Только вперед! В этом диком, неудержимом потоке, распространяя ветер анархии, террора, жажды крови и ненависти и пожиная ураган разрушения и ужаса.

Вперед! Только вперед! Франция с Парижем и своими детьми все еще слепо и безоглядно мчится вперед; Австрия, Англия, Испания и Пруссия объединились в мощную коалицию, призванную противостоять этому потоку резни, вызову, брошенному им и Богу!

Париж в сентябре 1793 года! Или, лучше сказать, ван-демьер — первый год Республики? Будем называть, как захотим! Париж — город кровопролития, человечности в своем низшем, деградировавшем виде; сама Франция как огромный, пожирающий себя монстр: ее красивейшие города разрушены; Лион сровняли с землей; Тулон и Марсель представляют из себя груды мрачных развалин; храбрейшие сыны прекрасной страны превратились в похотливых животных или же в презренных трусов, готовых ради своего спасения на любые унижения.

Вот твоя награда, великая и святая революция! Апофеоз братства и равенства! Грозная соперница умирающего христианства!

Пять недель прошло с того дня, как Марат, этот кровожадный «друг народа», пал от ножа патриотки-девственницы; месяц после того, как убившая его гордо и восторженно прошествовала к гильотине. Но и это никого не остановило. Только всеобщий вздох! Не удовольствие, не удовлетворение похоти — лишь вздох тигра-людоеда, вкусившего наконец такой желанной, такой долгожданной крови.

И за все — только этот вздох.

Король на эшафоте; королева, свергнутая и униженная, ожидает смерти, томясь в позорной тюрьме; восемь сотен отпрысков древнейших родов, творивших историю Франции, уничтожены, храбрые генералы — Кюстин, Бланшленд, Хушар, Богарнэ — убиты не в открытом бою; честные патриоты, благородные сердцем женщины, обманутые энтузиасты — все десятками, сотнями поднимаются по тем нескольким деревянным ступеням, что ведут к гильотине.

Вот подвиг во имя правды!

Но и за все это — лишь вздох!

Однако всего на несколько коротких секунд Париж окинул взором свои обширные владения и задумался о вещах более важных.

Тигр-людоед в такие мгновения мечтает, облизывая властную пасть: «Чего бы поновее, чего бы позабавнее?!»

Есть новая конституция, новая юстиция, новые законы, новый календарь! Что еще?

А вот что. Странно, что никто в этом огромном, интеллектуальном и аскетическом Париже доселе не додумался до такой замечательной вещи...

Новая религия!!!

Христианство состарилось, священники стали аристократами, разбогатевшими угнетателями народа, церковь превратилась в еще одно проявление развратной тирании.

По всем соображениям, новая религия необходима.

Кое-что было уже сделано для разрушения старой. Разрушение! Всегда разрушение! Церкви были разграблены, алтари осквернены, могилы разрыты, священники убиты. Но этого было мало.

Человек рожден идолопоклонником. Нужна была новая религия. Но на этот раз не Бог! Потому что Бог олицетворяет величие, власть, королевство! Все то, против чего боролась сильная рука французского народа.

Не Бог, но Богиня.

Богиня! Идол! Игрушка! Ведь даже тигр-людоед иногда играет.

Парижу нужна была новая религия, новая игрушка, и важные люди, горячие патриоты, сумасшедшие энтузиасты, сидевшие в Совете конвента, серьезно обсуждали необходимые меры для осуществления этого требования.

Первым, кто прояснил возникшее затруднение выбора, был, кажется, Шометт. Прокурор Шометт, глава парижского муниципалитета, тот самый, что приказал медленно провезти карету со сверженной королевой в грязную тюрьму Консьержери мимо ее собственного дворца, остановившись как раз настолько, чтобы увидеть мысленным взором и почувствовать, чем она была здесь — и чем стала теперь, оказавшись в полной власти народа.

Шометт, как вы видите, был достаточно артистичным и утонченным: муки сердца королевы значили для него больше, чем удар ножа гильотины по ее шее. Таким об-

разом, ничего удивительного, что именно прокурор первым определил, в какой религии нуждался теперь Париж.

— Пусть это будет богиня Разума! — сказал он. — Уподобленная, если хотите, самой прекрасной женщине Парижа. Пусть будет праздник богини Разума, пусть будет пиршество безделиц, подобных той мишуре, что рябила в глазах миллионов нищих по мановению стоящих над ними священников. Пусть народ торжествует и пляшет вокруг погребальной подушки и смеется над всем остальным. Пусть новая богиня ликует! Богиня Разума! Единственное божество новой, возрожденной Франции, которое прославит ее в грядущих веках!

Страстную речь приветствовали громкими аплодисментами.

— Новая богиня! — кричали солидные господа из Национальной ассамблеи. — Богиня Разума!

Все загорелись желанием дать народу эту игрушку: чтобы было с чем играть, что дразнить и вокруг чего танцевать безумную карманьолу и распевать триумфальную «Ça ira...», чтобы отвлечь разум народа от последствий своих деяний и от беспомощности законодателей.

Прокурор Шометт стал развивать колоссальную идею, как всякий дилетант, впервые столкнувшийся с успехом, начинает уточнять частные детали своего произведения. И вот он уже поглощен совершенно.

— Богиня должна быть красивой... однако не слишком молодой... Разум идет рука об руку только со зрелым возрастом... Она должна стоять на возвышении, в классических драпировках, ярко окрашенная, чтобы напоминать идола... Она должна уметь наслаждаться легкой музыкой и смехом...

Увы, терпеливость не была характерной чертой революционного правительства. Национальная ассамблея

быстро устала от дифирамбов и возгласов Шометта. На вершине Горы уже зевал, подобно гигантскому леопарду, Дантон.

Вскочил генерал Анрио. У него был проект гораздо лучше предложенного прокурором. Гранд-Фетиш, полурелигиозный по сути, разрушающий и развенчивающий, но никогда не требующий коленопреклонения и слепого обожания.

Богиня Разума гражданина Шометта вполне хороша, он согласен, но она должна возглавлять идущую за ней процессию церковных отступников, символизирующих крушение древней иерархии, мулов, нагруженных тюками со священными сосудами, награбленными из десяти тысяч французских церквей, за которыми будет следовать кордебалет из девушек в костюмах вакханок, танцующих карманьолу вокруг нового божества.

Фукье-Тенвиль, общественный обвинитель, весьма спокойно обсуждал эти проекты. Почему французский народ должен думать, что эра новой религии будет эрой молочных рек, парадов и фейерверков? Пусть каждый мужчина, каждая женщина и ребенок знает, что настанет новая эпоха — эпоха крови и только крови.

— О, — воскликнул он в страстном возбуждении, — если у предателей Франции окажется даже не по одной голове, все их надо снести одним ударом гильотины!

Он одобрил национальный фетиш, но высказал пожелание, чтобы его апофеозом все-таки была гильотина; он даже вызвался найти десять тысяч предателей, которые будут обезглавлены в этот великий день, десять тысяч голов для того, чтобы украсить площадь Революции в незабываемый вечер, завершить его невиданной доньше работой гильотины.

Колло Д'Эрбуа тоже сказал свое слово. Он недавно прибыл с юга, где приобрел репутацию непревзойденного злодея, сопутствовавшую ему на протяжении всего пребывания в Вандее. Колло ни в чем не хотел уступать кровожадному Фукье-Тенвилю; недаром он был вдохновителем так называемых «наяд», столь ужасно проявивших себя в Лионе и Марселе.

— Почему бы не устроить жителям Парижа некий развлекательнейший спектакль? — спросил он с грубым животным смехом. — Две-три сотни предателей, без различия пола и возраста, нужно крепко связать веревками в большой человеческий тюк и швырнуть на баржу, стоящую посередине реки. На дне баржи есть одна дырочка! Совсем маленькая! Достаточная лишь для того, чтобы она медленно, очень медленно погружалась в воду на глазах восхищенных зрителей. Крики женщин, детей и даже мужчин, чувствующих, как вода постепенно подбирается к ним, и осознающих себя совершенно бессильными для какой бы то ни было борьбы, обеспечат наивысшее веселье сердцам истинных патриотов! — объяснил гражданин Колло.

Так продолжалась дискуссия.

Это была эпоха, когда каждый имел лишь одно-единственное желание — перещеголять остальных злобой и скотством и одну-единственную заботу — спасти свою голову угрозами в адрес соседей.

Великая дуэль между титаническими лидерами двух беспокойных партий — горячим Дантоном с одной стороны и хладнокровным Робеспьером с другой — была еще в самом начале; могучие всепожирающие монстры вонзили свои когти друг в друга, однако итог схватки должен был решиться лишь в предстоящей игре.